

Валерия Чернованова

ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ
ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ. ЦВЕТОК ИЗ ПЛАМЕНИ
ПОХИЩЕННАЯ, ИЛИ КРАСАВИЦА ДЛЯ ЧУДОВИЦА
ВО ВЛАСТИ ПЛАМЕНИ
КОРОЛЬ ЖЕЛАЕТ ЖЕНИТЬСЯ
НЕВЕСТА СТАЛЬНОГО ПРИНЦА

В соавторстве с Мариной Эльденберт

МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерия Чернованова

Невеста Стального принца

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020
 ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-49

Серия основана в 2011 году
Выпуск 553

Художник
Е. Никольская

Чернованова В. М.

Ч-49 Невеста Стального принца: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3115-1

Бывает, живешь — горя не знаешь, пока в один прекрасный день не станешь попаданкой. Так случилось со мной, девушкой по имени Лиза, ни с того ни с сего оказавшейся в другом мире. И теперь я для всех сиротка Филиппа — невеста Стального лорда, герцога де Горта.

Пятая по счету, к слову. И если первые четыре спят и видят, как бы выскочить замуж за своего господина, я мечтаю только о том, чтобы скорее вернуться домой. Пока герцог не понял, кто я такая, и не открыл на меня охоту. Ведь это его призвание — охотиться за иномирными. Вот только в мои планы не входит становиться добычей Стального лорда. Ни в качестве супруги, ни в качестве иномирского чудовища.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чернованова В. М., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3115-1

ГЛАВА 1

— Лиза, мы любим друг друга, и ты должна... нет, ты обязана отпустить Кирюшу! — Вера подалась вперед, едва ли не укладываясь пышным бюстом на мой рабочий стол.

— Сейчас, только поводок отстегну.

— Понимаю, это у тебя такая защитная реакция, — изо всех сил пытаюсь изобразить сочувствие, кивнула подруга. — Узнать о том, что тебе предпочли другую, неприятно, но это так. Я решила, что ты заслуживаешь услышать правду. От меня. Кирюша опасается тебе рассказывать, потому что боится тебя ранить.

Не ранить он меня боится, а в принципе меня боится. Но я не буду делиться с Верочкой этой мыслью. Любовницы, знаете ли, на дороге не валяются. Кому я его еще, если не Лебедевой, сбегрю?

— Значит, любите, — протянула я, покручиваясь на стуле.

К счастью, в этот час, кроме нас с Верой, в офисе больше никого не было. Начальник укатил на какую-то суперважную встречу, ребята на обеде. Иначе бы стали свидетелями этой душщипательной сцены.

— Любим, — уверенно подтвердила моя бывшая лучшая подруга.

Внутри что-то неприятно кольнуло, но я приказала этому чему-то успокоиться и перестать колотиться.

Мы с Кириллом уже два года женаты, столько же встречались. Когда-то я тоже его любила или, скорее, принима-

ла влюбленность за настоящее чувство. Но со временем эйфория прошла, и я поняла, что оказалась замужем за законченным эгоистом, которому плевать на всех, кроме себя.

За последние месяцы наши отношения окончательно испортились, можно сказать, заплесневели, как завалившийся в недрах холодильника огрызок сыра, и тем не менее узнать о предательстве Родина было больно.

Когда выяснилось, что Кирилл мне изменяет, я не стала закатывать ему скандал или, боже упаси, истерику. Не стала обвинять его в адюльтере. Вместо этого взяла отпуск, съездила на несколько дней в Ростов к своим близким. Собралась с мыслями, успокоилась и пришла к выводу, что вот он, мой шанс распрощаться с Кириллом.

Родин — художник. Другими словами, безработный лентяй, которому так замечательно живется в моей квартире и на мою зарплату дизайнера. Я неплохо зарабатываю в фирме по производству элитной кухонной мебели, и Кирилл всю этим пользуется. Ну то есть не стесняется пользоваться моей зарплатой.

На улицу его не выставишь, я девушка сердобольная (по крайней мере, считала себя таковой до измены). А вот к Верочке — скатертью дорога. Пусть забирает это сокровище, и я вздохну с облегчением.

— Ну что ж, тогда мне только и остается, что поздравить вас и пожелать вам счастливой жизни. — Я, как могла, пыталась скрыть в голосе иронию. Получилось этак на троечку.

Странно, но, кажется, Верочка рассчитывала совсем на другую реакцию. Резко выпрямившись, она надула свои и без того пухлые, перекачанные гиалуронкой губы и с явным недовольством требовательно спросила:

— Почему ты такая спокойная?!

Я пожалала плечами:

— Если хочешь, могу оттаскать тебя за волосы. Так ведь положено вести себя обманутой жене с любовницей мужа? А вот еще вариант, — выдала с азартом, — сегодня же выброшу из окна всю одежду Кирюши! Устану, правда. У него ведь шмоток больше, чем у какого-нибудь бьюти-блогера.

— Лиза! — А вот это уже истерично.

Нет, я не поняла, а кто тут вообще обманутая жена?

— Но лучше сделаю так...

С этими словами я поднялась, отчего Верочка испуганно вжалась в сидушку стула. Зря боится. Дизайнеры, как и художники, равнодушны ко всему прекрасному. У меня бы рука не поднялась испортить роскошную, качественно наращенную рыжую гриву заклётой подруги.

К тому же мне вообще до нее дотрагиваться не хочется. Я не только падка на все прекрасное, но и страшно брезглива.

Распахнув дверцы офисного шкафа, я достала из него чемодан (красный в белый горошек) и подтолкнула его к Лебедевой.

— Вот! Мой вам подарок по случаю начала совместной жизни. Надеюсь, что счастливой, а не как было у нас с Кириллом. Отправляйся за ним и помоги ему собраться. Я возвращаюсь с работы в восемь. Чтобы к тому времени о нем в моей квартире не напоминал даже запах его дезодоранта. А то ведь тогда точно выброшу. Все, что останется. Не в окно, а в мусорку. Ты, Вера, меня знаешь.

Вместо того чтобы улететь на крыльях счастья к откровенному в нечестном бою мужику, бывшая подруга обиженно поджала губы, отчего я даже немного заволновалась. Не дай бог, еще передумает забирать моего бывшего и превращать его в своего нынешнего.

Тогда придется мне наступить на горло своему сердоболу и отправить его бомжевать. Ну или к родителям в тьмутаракань, из которой выполз этот таракан.

— Ты никогда его не любила! — негодуя подскочила на своих шпильках-ходулях Вера.

Всегда удивлялась, как она на них передвигается и при этом умудряется не сломать себе шею.

— При чем здесь это?

— При том, что это ты сделала его несчастным, Лиза! С тобой он страдал. Это из-за тебя он уже два месяца ничего не пишет! Ты, и только ты убила в нем вдохновение и желание творить!

— Желаю тебе его в нем воскресить. Вдохновение. Раз уж ты успешно справилась с воскрешением некоторых частей... одной конкретной части его тела.

Любовник, к слову, из Родина никакой. Не понимаю, что нашла в нем Вера. И еще больше мне непонятно, что нашла в нем я.

Впрочем, с внешностью у мужа полный порядок, как и с обаянием. А еще... Нет, больше ничего в голову не приходит.

— Очень надеюсь, что твой следующий мужчина найдет на тебя управу!

Пока я честно пыталась отыскать в благоверном еще какие-нибудь достоинства (хоть на ум приходили одни недостатки), Верочка продолжала шипеть и плевать.

— Тебе нужен такой мужик, который будет держать тебя в ежовых рукавицах. С которым ты рядом даже не пикнешь!

Не знаю, к чему вся эта тирада, но лично я замуж больше не собираюсь. Хватит с меня и одного раза, совершенно провального. Отныне только короткие, ни к чему не обязывающие романы с самодостаточными холостяками.

К черту мужей!

Обрушив на меня весь этот бред, Вера развернулась на каблуках с явным намерением продефилировать к выходу. Надеюсь, что оттуда она продефилирует напрямиком к Кириллу.

— Чемодан не забудь, — напомнила ей и оперлась ладонью о столешницу, ощутив внезапное головокружение.

— Да пошла ты со своим чемоданом, Власова! — ядовито огрызнулась бывшая подруга.

Она еще что-то говорила, но я ее больше не слышала. А вскоре перестала и видеть. Офис, кухни, разбросанные по углам просторного зала, перекошенная физиономия Лебедевой — все начало расплываться.

Вместо привычного интерьера перед глазами замаячила совершенно абсурдная картина. Я замерла, боясь пошевелиться, когда в паре шагов от меня в пространстве как будто образовалась дыра. Хотя какое там дыра... Целая дырища! И в ней, в этой дырище, обнаружилась совершенно незнакомая мне юная девица. Сначала я увидела лишь ее профиль, девушки в старинной карете (мать моя женщина!). Бледная, взволнованная, она кусала губы и мяла дрожащими пальцами юбку. Потом обернулась и застыла неподвижно. Напряженная, как будто к чему-то готовая.

И как это все понимать?

— Эй, что происходит?! — донесся до меня, словно из другой реальности, голос горе-любовницы, но мне уже было не до Верочки.

Вместо того чтобы отпрянуть или вообще спрятаться где-нибудь под столом, я как зачарованная шагнула вперед. Протянула к эфемерной картине руку и вдруг почувствовала, что боль в висках резко усилилась, стала невыносимой. Пошатнулась, тщетно ища опоры, понимая, что сейчас меня накроет обморок.

Никогда не теряла сознание, а сейчас, кажется, потеряю.

В следующий момент меня как будто толкнули вперед, свет померк, и я все-таки отключилась. Не знаю, надолго ли. Пришла в себя от резкого толчка, едва не опрокинувшего меня на... дно кареты, и поняла, что уже можно начинать вопить «а-а-а-а!».

Дверца экипажа распахнулась, и в него просунулась чья-то рука, сцапала меня за локоть и буквально выдернула из повозки.

— Ну наконец-то! Черепаха и то доползла бы быстрее! Его всемогущество уже здесь, а тебя все нет! Где это видано, чтобы какая-то сопливая девчонка заставляла ждать Стального лорда!

Кто? Что? Где я?!

Перед глазами по-прежнему плыл туман, поэтому я смутно понимала, кто и куда меня ведет, где я нахожусь и что вообще происходит. Наверное, я все еще в обмороке. Сюрреалистическом таком, я бы даже сказала — идиотском.

Не знаю, сколько длился этот сумасшедший забег, но в какой-то момент пронизывающий холод сменился вполне сносной прохладой, а вскоре в меня дохнуло жаром, словно я вошла в финскую сауну.

Тряхнула головой, стараясь прогнать чертов туман, наползающий на глаза, и почувствовала, как в затылок вонзаются острые иглы боли.

— Все, вот и они. Ну что ж, удачи нам, — выдохнула неизвестная обладательница руки-клевни, а потом зашипела: — Филиппа, опусти взгляд. Не смотри на него. Я кому говорю, не смотри!

Да я бы и рада посмотреть, вот только не получается.

— Что здесь происходит? — кое-как совладав с собственным языком, шепотом спросила я у глюка и облегченно выдохнула, когда хмарь вокруг начала бледнеть и таять.

Заморгала часто, надеясь, что это ускорит процесс туманорасползания, а скосив взгляд влево, убедилась, что рядом со мной стоит галлюцинация. Ну как еще назвать разодетую, как на маскарад, даму бальзаковского возраста? Пышное платье, кружевной веер, гирлянды украшений.

— Молчи, глупая! — зашипел ретроглюк, опускаясь в глубоком реверансе и пригибая меня к полу.

Окончательно сбита с толку всем происходящим, я позволила себя пригнуть и услышала резкий, с явными командирскими нотками голос:

— Это она?

— Да, ваше всемогущество, это моя племянница Филиппа Адельвейн, — ответил одному неизвестному мужику другой неизвестный мужик.

Я не вскинула на них взгляд только лишь потому, что в тот момент была поглощена изучением своей обуви. И юбки. Господи, что это? На моих ногах красовались атласные балетки со смешными помпончиками, а юбка больше напоминала шуршащий колокол.

Все ясно, у меня нервный срыв. Нужно было не держать все в себе, а закатить Родину истерику. Поскандальить от души, побить посуду, как полагается в таких случаях и как поступают все нормальные женщины. Пореветь, в конце концов.

Я ведь не железная леди, и нервы у меня тоже, как выяснилось, отнюдь не железные.

— Дочь мятежника. — В голосе первого незнакомца отчетливо слышалось пренебрежение.

— Наследница древнего рода и ваша покорная слуга, мой лорд, — раболепно подхватил незнакомец номер два.

— Посмотри на меня. — Резкий приказ резанул по натянутым до предела нервам, и жесткие мужские пальцы нетерпеливо сжались на моем подбородке, заставляя вскинуть голову.

Я дернула ею, пытаясь избавиться от этого эфемерного прикосновения, которое ощущалось совсем как настоящее — жалило, почти обжигало, — и посмотрела хамоватому глюку в глаза. В них было столько холода, что меня передернуло.

Я шарахнулась от него, отступила на шаг. В ответ на мою реакцию лорд (или как его там величают) чуть слышно усмехнулся и продолжил оглядывать меня с таким видом, словно я была выставленной на торгах рабыней, продающейся с большой скидкой.

— Ваше всемогущество, Филиппа у нас девушка скромная, застенчивая, ее еще никогда не касался ни один мужчина. Вот она и нервничает, волнуется, — вякнул из-за спины всемогущества низенький пузатый мужчина с блестящей лысиной.

Судя по всему, дядя Филиппы.

Вот только я не Филиппа! Откуда в моей голове вообще взяться этому имени? И этому зеленоглазому брюнету — всемогущей горе мышц.

Ну же, очнись! Очнись, Лиза!

К моей досаде, видения не спешили со мной прощаться и все казалось очень и очень натуральным.

— Ни один мужчина не касался, — эхом повторил незнакомец, продолжая скользить по мне таким взглядом, словно на мне вместо балеток с помпонами были черные лаковые сапожки, а вместо витого шнурка сумочки, который я, оказывается, судорожно сжимала в руке, кожаная плеть.

— В обители мою племянницу стерегли должным образом, ваше всемогущество. Филиппа образованна, в меру умна и не в меру очаровательна, — словно на аукционе поднимал ставки дядя.

То есть «в меру умна» у них тут, в Глюкляндии, считается достоинством, а не недостатком? М-да...

— В общем, идеальная невеста, а в будущем, — алчно сверкнул он глазами, — кто знает, возможно, и королева Харраса.

— Не забегайте так далеко вперед, лорд Нейтон. — Это всемогущество окинуло меня еще одним взглядом, на этот раз прохладно-скучающим. — Посмотрим, как все сложится. Должен признать, она действительно хороша. Да и у меня не осталось времени на более тщательные поиски.

«Вы только посмотрите, времени у него не осталось», — проворчала мысленно.

— Поэтому я заключаю с вами договор, лорд Нейтон. Сегодня у меня в Шархе дела, я заберу леди Филиппу завтра в полдень. Пусть к тому времени будет готова.

Надеюсь, я к тому времени уже успею очнуться. Потому что вот это его «упакуйте мне невесту в количестве одна штука» вызывало одно-единственное желание — зарычать.

— О, ваше всемогущество! — подал голос расфуфыренный плод моей воспаленной фантазии. Бальзаковская дама уже успела подняться из реверанса и теперь довольно обмахивалась веером по случаю удачной продажи племянницы. — Уверяем вас, вы ни на секунду не пожалеете и не разочаруетесь в своем выборе. Филиппа чудесная девушка с чудесной родословной!

Нет, я ей кто, породистое животное?

— Я на это надеюсь, баронесса.

Лорды, баронессы... А я ведь не люблю ни фэнтези, ни исторических романов с фильмами... Не читаю такое и не смотрю, поэтому мне вдвойне интересно, откуда *все это* могло взяться в моей голове?

— Пойдемте, ваше всемогущество, мэтр Гарон уже ждет нас. Заключим договор.

Купли-продажи?

— До завтра, леди Адельвейн, — бросил мне незнакомец на прощанье и, не оборачиваясь, вышел из комнаты следом за дядей-коммерсантом.

Стоило дверям за ними закрыться, как дама с веером впала в самый настоящий экстаз:

— Как же удачно все складывается! И как же удачно эта идиотка леди Шилла упала с лошади и сломала себе обе ноги!

Ась?

— Это вы о ком... тетя? — уныло оглядываясь по сторонам, поинтересовалась я и отошла от камина.

Вот почему мне стало так жарко, стоило только оказаться в этом зале, — огонь в закопченном зеве полыхал и ярился. Назвать помещение просто комнатой язык не поворачивался. Просторное, с высоченными лепными потолками и вычурной, явно дорогой мебелью в классическом стиле. Правда, стоило приглядеться повнимательнее, как становилось ясно, что и мебель и обстановка нуждались в ремонте. В кресле, например, перед которым, постукивая веером по ребру ладони, прохаживалась матрона, обивка была изрядно потертой, а мрамор над камином пестрел трещинами и сколами.

— Ах, ты ведь еще не в курсе, — осенило галлюцинацию. Угу, не в теме я и, к слову, не при делах.

— Девица Озертон, которая должна была стать пятой наинной герцога де Горта, неудачно покаталась на лошади и теперь еще несколько месяцев будет валяться в кровати с переломами. Нет, ты только представь, какое счастливое стечение обстоятельств!

Смотря для кого. Что-то мне подсказывает, что точно не для меня и той травмированной бедняжки.

Господи, и почему же я не просыпаюсь...

— А герцог де Горт у нас кто?

Мелькнула мысль быть осторожнее и не задавать прямых вопросов, но ведь все это: и камин, и черный рояль с банкеткой в дальнем углу, и даже морозные узоры на стеклах высоких стрельчатых окон — плод моего воображения. Ничего больше.

Незнакомка нахмурилась, а потом, приблизившись, коснулась моего лба.

— Нет, температуры нет. Значит, либо усталость, либо нервное... Приходи скорее в себя, Филиппа, и больше не смей произносить такие глупости! Будто ты не знаешь, кто он!

А вот не знаю. И знать, если честно, не желаю.

— Герцог Мэдок де Горт — один из лордов Стального круга...

Закос под рыцарей Круглого стола?

— ...и вероятный будущий преемник нашего правителя. А ты, может статься, станешь королевой. Если не будешь строить из себя заторможенную дурочку, как сегодня. Жаль, моя Стелла не чистокровная, да и в прошлом году вышла замуж. Ей куда больше подошла бы роль пятой наины Стального лорда, чем тебе. Ну да ладно... Племянница — тоже неплохо. Так о чем это я? Ах да! Отдохни как следует перед ужином. Ориса проводит тебя в твою комнату. Ты уже, наверное, и не помнишь, где тут да что. Столько ведь лет прошло... В общем, иди, Ли, и больше не заставляй меня нервничать, а себя не ставь в неловкое положение.

Вздрогнула, услышав, как она ко мне обратилась. Ли... Меня так называли мои родные. И Кирилл, и близкие друзья. Та же Верочка...

Уф, все! Не до них мне сейчас.

Схватив с каминной полки колокольчик, фальшивая тетя нетерпеливо в него позвонила. Дождавшись появления служанки — пожилой полнотелой женщины в сером форменном платье, велела ей проводить леди Филиппу в спальню.

Первое, что я увидела, оказавшись в коридоре, — это зеркало возле консоли на гнутых ножках. Подхватив дурацкие юбки, бросилась к нему, торопясь выяснить, кто же я все-таки на самом деле: Елизавета Власова или Филиппа?

ГЛАВА 2

Несколько секунд я жадно вглядывалась в свое отражение, чувствуя, как сердце в груди с галопом переходит на тихую рысь. Это определенно была я. Черты лица мои? Мои. Волосы — длинные, золотисто-русые, сейчас собранные в

дурацкую прическу а-ля девушка с картины Рембрандта — тоже, несомненно, принадлежали мне. Серо-голубые глаза с неизменным прищуром, который Верочка (чтоб ей все-таки навернуться со своих шпилек!) называла очень вредной привычкой, что неизбежно приведет меня к ранним морщинам, тоже принадлежали мне. Я, кстати, Верочку никогда не слушала и продолжала щуриться. Недоверчиво, озабоченно, сосредоточенно.

Я вообще по натуре очень эмоциональная, и все эмоции отражаются у меня на лице. Ничего скрыть не получается. Но сейчас я была этому даже рада. Своим эмоциям на своем лице.

В общем, в зеркале отражалась стопроцентно настоящая Елизавета Власова. Девушка красивая, уверенная в себе, самодостаточная. А еще стройная и высокая. Другими словами, красавица двадцати трех лет от роду.

Тогда с какого перепугу они приняли меня за Филиппу?

Чтобы уже окончательно удостовериться, что я — это я, потянула вверх пену кружев, обрамлявшую левый рукав, и облегченно выдохнула. Белесый шрам на локтевом изгибе, заработанный еще в детстве, когда я, играя на берегу моря, порезалась бутылочным осколком, был на месте. Дорогой, родненький, самый любимый.

Следовательно, возвращаемся к злободневному вопросу: почему вся родня этой мисс Аде... как-то там... решила, что я незамужняя девица Филиппа?

Ладно бы новоиспеченный жених. Судя по выражению его знатной рожи, он видел меня впервые в жизни. Но вот дядя-то с тетей? Почему не заметили подлога? Если та девушка в карете была Филиппой, то мы с ней совершенно точно не похожи!

Ну хорошо, у нее тоже светлые волосы. Глаза... А черт его знает какие, я толком не разглядела. Вроде бы тоже голубые... А может, и серые. Но вот черты лица совсем дру-

гие. Зажмурилась на миг, пытаясь воскресить в памяти образ девушки в карете. Да, точно, мы с Филиппой разные. Совершенно. Например, у нее пухлые щечки и маленький, чуть вздернутый носик. У меня же острые скулы и нос более прямой, но тоже, к слову, горячо любимый. И лоб у меня выше, и губы будут посочнее, а у сказочной Ли ротик был маленький, почти как у ребенка.

В общем, близняшками нас не назовешь даже с большой натяжкой. Я бы еще могла сойти за ее старшую сестру, потому что девчонка выглядела лет на восемнадцать — двадцать. Хоть мне тоже зачастую больше двадцати не давали, а в магазинах, когда покупала спиртные напитки, часто просили предъявить документ, удостоверяющий мою совершеннолетнюю личность.

Но, как бы там ни было, я не леди Эдельвейс и играть роль нежного цветочка в цветнике лорда Мúдака... ну то есть Мэдока, точно не собираюсь.

Пятая наина... Это вообще кто? Невеста? Рабыня?

— Моя леди, с вами все хорошо?

Кто-то осторожно коснулся моего плеча, и только тут я поняла, что рядом по-прежнему стоит служанка, а я ее в упор не замечаю.

Ущипнула себя, но проснуться, вырваться из этого безумного обморока-сна так и не смогла.

— Все... хорошо, — обернулась к обеспокоенно смотрящей на меня женщине. — А скажи, Ориса, здесь где-нибудь есть мой портрет?

Служанка расстроено завздохала:

— Да какие уж тут портреты? Ведь замок Адельвейнов, когда вашего батюшку бедового, лорда Натана, да упокой Созидательница Пречистая его душу, арестовали и приговорили к казни, едва не сожгли Стальные лорды. Вернее, жечь-то начали, с энтузиазмом. Восточное крыло сильнее всего пострадало, а с ним и портретная галерея Адельвейнов. Спасибо леди Ансае, вовремя вымолившей у покой-

ной королевы (и ее душа пуцай тоже покоится с миром) повеление передать земли и замок двоюродному брату вашего батюшки, барону Нейтону, а вам, малютке невинной, жизнь сохранить и имя. Жаль, матушку вашу нельзя было спасти... Вы же ничего этого не помните, верно?

— Верно, — подтвердила я, горя желанием добавить: «Не помню, потому что не знаю».

— Совсем тогда крохой были. Так что и портретов-то ваших за три годочка, что провели в отчем доме, совсем не написано. А хотя погодите... — просветлела лицом женщина. — В библиотеке остались старые эскизы. Точно-точно! Хотите, покажу? Ваш точно был среди них.

— Хочу, — кивнула я, решив, что следовать наставлениям глюкотети и бесцельно валяться в кровати точно не собираюсь. Лучше побуду со служанкой и осторожно ее порасспрашиваю, пока будет искать эскизы малышки Филиппы.

— Тогда пойдемте скорее, пока леди Анся не осерчала на нас за непослушание. — Служанка понизила голос до заговорщицкого шепота и поманила меня за собой.

Мы быстро поднялись по лестнице, широкой и добротной, с некогда золочеными, а теперь потускневшими перилами. Молоденькой служанке, старательно их натиравшей, было не под силу вернуть им былой блеск. Вот почему родственнички Филиппы вне себя от счастья. Нет, не из-за перил конечно же, а потому что удалось выгодно продать двоюродную племянницу. Семейство барона явно нуждалось в деньгах.

Интересно, сколько он им заплатит? За пятую наину для себя любимого.

Надо поскорее выяснить, что означает это слово и в какую субстанцию я все-таки вляпалась. То, что в дурно пахнущую, сомнений не вызывало. Оставалось выяснить, насколько глубоко я в ней увязла.

С каждой секундой я только укреплялась в подозрении, что все происходит на самом деле. Во сне или в бреде все ощущается совсем иначе. Я же была в себе и в невероятной, но вполне реальной реальности. Чувствовала как никогда остро аппетитный запах свежее испеченной сдобы, доносившийся с первого этажа. Слышала, как у меня под ногами скрипят половицы. Видела, как тусклые лучи холодного зимнего солнца, проникая в витражные окна, рисуют на ковровых дорожках размытые узоры.

А ведь в Питере сейчас весна. Холода наконец отступили, и я уже потихоньку начала мечтать о белых ночах. И о разводе. О возвращении себе свободы. И вот, опомниться не успела, не успела даже пикнуть, как оказалась собственностью незнакомого мужика.

М-да...

Зал, в котором располагалась библиотека, был еще более просторным, чем тот, в котором без меня меня женили, вернее, определили в загадочные наины. Стеллажи подпирали все те же лепные своды, а обрамлением библиотеке служили два мраморных камина с приставленными к ним креслами.

— Хорошо, что в ту страшную ночь огонь не коснулся этого крыла. Такое наследие... — бормотала Ориса. — Ваши предки в течение нескольких веков собирали эту коллекцию. Настоящая сокровищница! Где же я видела те эскизы...

Пока служанка осматривала книжные полки, что-то негромко бормоча, вздыхая и причитая, я приблизилась к окну, выходявшему на укутанный в снег спящий сад. Ледяные ветви, припорошенные белой крошкой; заснеженные фонтаны и скамейки; стершиеся белесой пылью дорожки и тропки. Все очень красивое, ничего не скажешь. И незнакомое. Совершенно чужое.

Не успела как следует порефлексировать и полюбоваться меланхоличной панорамой, как почувствовала, что

из глубин моего иномирского естества (я ведь в другом мире? Ну или все-таки сошла с ума?) поднимается горячая волна. Причиной этому, видимо, послужило появление на широкой подъездной дороге потенциального будущего стального мужа. На де Горте теперь красовался длинный плащ с богатой темно-рыжей меховой оторочкой, ниспадавшей на его широкие плечи и делавшей его фигуру еще массивнее и шире.

Хотя куда уж массивнее...

Вот незнакомец остановился, замер неподвижно, словно решил стать частью заледеневшего сада. Этакой величественной статуей, возведенной в честь себя великого, всемогущего и всенаглого. «Она действительно хороша», — снисходительно оценил он меня. И вел себя так, словно своим появлением в моей жизни оказал мне честь и сделал большое одолжение.

Сноб доисторический.

Особенно взбесило это его «посмотри на меня».

Несколько секунд он не двигался, и я вместе с ним. Стояла, наблюдала, присматривалась к этому... покупателю. Пока не вздрогнула, испытыв острое желание попятиться. Темная точка, появившаяся в небе, которую я сначала даже не заметила, стремительно увеличивалась в размерах, приобретая очертания какого-то животного. Зверя.

— Охренеть, — выдохнула я, когда тварь, очень смахивающая на мифического грифона, опустилась перед снобом. Царапнула когтистыми лапами по камню, которым была вымощена дорога, заклекотала утробно, отчего показалось, будто по небу прокатился раскат грома, и склонилась к земле свою жуткую морду с длинным, изогнутым, опасно заостренным клювом.

Фантастическое животное словно бы приветствовало и кланялось де Горту. Приглядевшись повнимательнее, увидела, что грифон оседлан. Сунув ногу в стремя, герцог ловко забрался ему на спину, ухватился за повод. И вот

тут уже я отступила, когда его взгляд, не менее хищный, чем у крылатой зверюги, скользнул по дому и задержался на окне библиотеки. Не знаю, заметил ли он меня, но чувство было такое, что да.

В следующий момент орлолев оттолкнулся от земли и взмыл в небо, унося подальше от родных пенатов Филиппы самоуверенного герцога.

— Когда вижу, как кто-нибудь из Стальных использует силу, меня прямо оторопь берет. — Поравнявшись со мной, Ориса осенила себя знамением. Не крестным, но очень на него похожим. — Бедная животина...

— А что с ней? — все еще пребывая в шоке от визуального знакомства с грифоном, спросила я и напоролась на недоуменный взгляд внимательных карих глаз.

Нет, с вопросами здесь надо быть осторожнее. Пока не пойму, что тут и к чему.

— Ну так что там с эскизами? Нашла?

— Да, миледи. Вот, поглядите, какой хорошенькой вы были малышкой.

Я пробежалась по наброску взглядом и в который раз убедилась, что я не Филиппа. Хоть у меня в детстве тоже были такие же смешные, непокорные кудряшки и очаровательные ямочки на щеках, когда улыбалась, но мы с ней все равно были разными.

— А вот ваша покойная матушка. — Ориса сунула мне в руки еще один пожелтевший от времени листок, а за ним и третий. — И батюшка. Ах, какая красивая была пара...

Конечно, это не одно и то же — смотреть на человека живую и видеть его черно-белый портрет, но они действительно были красивы. У обоих открытые лица, такие, которыми приятно любоваться. В глазах ни капли лукавства, уголки губ чуть приподняты, казалось, они улыбаются. Да, пара была что надо.

Интересно, что же такого натворил лорд Натан, что его казнили? И мать Филиппы, кажется, тоже погибла. Этот

Мэдок назвал Адельвейна мятежником. Против чего или кого он бунтовал?

Надо все как-то срочно разузнать. А еще нарывать где-нибудь информацию о стальных мужиках.

Подумала так и решительно направилась к книжным стеллажам. Раз я понимаю местный язык и неплохо на нем разговариваю, то по идее должна и читать уметь. Вряд ли у них здесь водится Интернет с компьютерами, а значит, мне нужны книги, свитки или хоть что-то, из чего я могла бы узнать больше об этом мире, Стальных лордах и их наинах.

Ориса засемила за мною следом.

— Моя леди, нам следует возвращаться. Хозяйка может прогневаться, если узнает, что вы не отдыхаете, как было велено.

— Сейчас, только какую-нибудь книжку для отдыха захвачу.

Хорошая новость — читать я все-таки умела, прекрасно понимала смысл слов, золоченой вязью вившихся по толстым корешкам явно старинных книг.

— Любовные романы находятся в той стороне.

— Угу...

— И авантюрные тоже, — агитировала меня переместиться в другую часть библиотеки служанка.

— Да, да...

Так, а что это тут у нас?

Взгляд зацепился за тонкую книжицу, с обеих сторон зажатую пухлыми томами в кожаных переплетах. Не знаю, почему я обратила на нее внимание, надпись на корешке почти истерлась. И тем не менее удалось прочитать название: «У истоков истинной магии. Стальные лорды Шареса».

Очень интересно.

Стоило мне потянуться за книгой, как у Орисы округлились глаза. Пришлось придумывать объяснение:

— Хочу получше узнать своего жениха.

— Но разве в обители... — заикнулась было служанка.

— В обители нам вообще про мужчин ничего не рассказывали. Эта тема считалась запретной для таких юных, неискушенных созданий, как я.

— Но...

— Согласна, странные у них порядки. Так что придется самой просвещаться.

Прижав к груди источник таких необходимых мне сейчас знаний, я последовала за служанкой. К счастью, идти оказалось недалеко, спальня Филиппы располагалась в этом же крыле на втором этаже.

Оказавшись в комнате, простой и светлой, обставленной без изысков, не говоря уже о роскоши, я попросила служанку ослабить мне корсет (как в этой удавке для ребер вообще ходят?) и отпустила ее на все четыре стороны. А сама забралась на кровать, раскрыла книгу и принялась жадно читать.

Вскоре я уже знала, что мир, в котором оказалась, назывался Шарес. Наверное, такие сочиняют в своих романах авторы фэнтези. На Шаресе имелось немало королевств, и Харрас, в которое меня угораздило попасть, считалось одним из самых могущественных и процветающих.

Земли Шареса населяли как простые люди, так и маги с магичками. Особняком среди них стояли Истинные. Они же всемогущие, они же хальдаги. Колдуны настолько одаренные и сильные, практически неуязвимые, словно были созданы не из плоти и крови, а выкованы из стали. Так их и называли — Стальные лорды.

В Харрасе все хальдаги входили в так называемый Стальной круг, что-то типа братства или секты, а может, и то и другое. Они поддерживали в королевстве порядок, защищали его от внешних напастей, хранили от любого рода бед. Но, главное, оберегали вверенную им территорию от «иномирского отродья».

Дойдя до этой фразы, я тихонько икнула и продолжила читать дальше, буквально пожирая строчку за строчкой взглядом.

Иномирные создания являлись на Шарес, чтобы нападать на города и селения, сеять повсюду боль и страх. Не жалели никого: ни детей, ни стариков. «Они проникали на Шарес под личиной прекрасных юношей и дев, беззащитные с виду и смертельно опасные внутри». По крайней мере, так утверждал автор этой статьи. Ну то есть рукописи.

Так, а кто я для обитателей Шареса? Как раз таки прекрасная юная иномирная дева. Ладно, не такая уж прям и юная, но, несомненно, отлично сохранившаяся к своим двадцати трем.

«Дабы вывести их на чистую воду и выявить их настоящий облик, с презренных тварей живьем сдирали кожу или бросали в очистительный огонь Созидательницы Пречистой».

Охреть какие садисты! Стальные лорды и бросали. Ловили «иномирское отродье», пытали и убивали. Я, конечно, не планирую нападать на города и селения, я ведь не замаскированный демон (или кто тут у них наводит шорох), но попробуй объясни и докажи это этим средневековым.

В общем, поговорить по душам с «дядюшкой» и «те-тушкой» не вариант. Сунуться с таким признанием к де Гарту? Нет, я не настолько чокнутая. Кто-кто, а он точно не производит впечатление человека с добрым сердцем.

Больше о суперколдунах я ничего узнать не успела. Вернулась Ориса и сказала, что пора приводить меня в порядок. Их милости ждут дорогую племянницу в столовой к теплому семейному ужину под душевные разговоры.

Вздохнула тяжело, слезла с кровати.

Было бы здорово, если бы они мне рассказали, как поскорее убраться из этого мира... пока меня не освежевал какой-нибудь Стальной лорд. Да вот хотя бы тот же душка де Горт.

Ориса помогла мне переодеться в платье на пару оттенков темнее того, в котором я предстала пред грозными очами этой груды металла — хальдага. Новый наряд был насыщенного зеленого цвета, как трава на лужайке, щедро отороченный, где только можно, кружавчиками.

Прежде чем снова превратить меня в шуршащий колокол, служанка так затянула мне корсет, что у меня чуть ребра не полезли из ушей. Дыша через раз и мысленно матерясь, я последовала за ней в столовую, перебирая в уме вопросы, ответы на которые хотела бы получить в первую очередь. Вопросов этих было несколько вагонов и черт знает сколько тележек; жаль, с некоторыми придется повременить.

Но кое-что разузнать, думаю, удастся уже сегодня.

Супруги Вейтер (Ориса вскользь упомянула фамилию достопочтенной четы) сидели друг против друга за длинным, накрытым белоснежной скатертью столом. В самом центре его расположился светловолосый парень, смутно похожий на баронессу: и цветом глаз, льдисто-голубым, и блестящей вихрастой гривой.

Наверняка сын.

Пока барон Нейтон пожирал голодным взглядом блюдо с окороками, его наследник точно таким же приветствовал меня.

— Моя дорогая Филиппа. — Он даже поднялся со своего места и вышел из-за стола, чтобы приблизиться ко мне и обшлюнявить мне щеку поцелуем.

Не самым приятным, надо сказать, но не отталкивать же его в первую минуту знакомства. Мне Вейтеров злить никак нельзя, иначе не получится у нас с ними конструктивного разговора.

— Сколько мы не виделись? Лет пятнадцать, если не больше, и вот в кого ты превратилась. Настоящая красавица! — Троюродный брат (или кем он там приходится Филе) окунул меня в море своего внимания, явно намере-

ваясь в нем утопить. Не то что де Горт: пара более-менее заинтересованных взглядов, а все остальные — пресыщенно-скучающие. — Я и сам на такой не прочь бы жениться.

— И женишься, если Ли не хватит мозгов и женского очарования привязать к себе Истинного, — вставила свои пять копеек баронесса.

А разве такое возможно? Я тут же сделала стойку. Если да, то мне уж точно хватит мозгов его к себе не привязывать. Правда, перспектива выйти замуж вот за этого хлюпика с сальным взглядом и сальными волосами тоже как-то не воодушевляла.

Кажется, я начинаю понимать, почему сбежала Филиппа.

— Мы ведь так и планировали, — проворчал блондин, подводя меня к столу. — Что я стану графом Адельвейном.

— Карел, мы тебе уже говорили, и не раз: нам очень выгодно породниться с де Гортом, с какой стороны ни посмотри, — осадил, правда, без особой резкости сына Нейтон. — Тебе хорошо известно, в каком мы сейчас находимся бедственном положении. Его всемогущество, можно сказать, спас нас. Да и в будущем, став герцогом женой или асави, Филиппа сможет ходатайствовать за тебя при дворе.

Асави? А это что еще за новый зверь?

— Ходатайствовать за нас за всех. Разве это не замечательно? — проворковала ее милость.

— Потрясающе, — обиженно пробурчал Карел.

— Но если Филиппа не подойдет герцогу, вы поженились, — обнадежил сына барон.

В общем, семейка просто отпад.

Они продолжали говорить так, будто меня в столовой не было. Предприимчивости Вейтеров оставалось только позавидовать. Столько вариантов использования сиротки Филиппы уже предложили, а ведь мы еще даже не успели приступить к закускам. Уверена, к тому моменту, как подадут десерт, они составят бизнес-план на ближайшую сотню лет.

— Надеюсь, тебе уже лучше, Филиппа? — расправляя на коленях салфетку, поинтересовалась баронесса. — Днем ты была сама не своя.

— Да просто девочка перенервничала, — неожиданно вступился за меня глава семейства. — Не каждый же день становишься наинной самого герцога де Горта.

Интересно, и что же в нем, этом герцоге, такого особенного?

— Да, я очень переволновалась, дядя, и, признаться, продолжаю переживать, — сказала я, ощущая на себе взгляд Карла.

Или Карела... В общем, не важно.

— Завтра его всемогучее... я хотела сказать, всемогущество заберет меня, и я хотела бы знать, что будет ждать меня... там. Вы что-нибудь слышали о первых четырех наинах герцога?

Спросила и затаила дыхание, надеясь, что меня подпитают хоть какой-нибудь полезной информацией.

— Тебе не о чем волноваться, дорогая. Уверена, ты будешь среди его наин самой чудесной и самой прекрасной.

Невероятно полезные сведения.

— А я бы на вашем месте, мама, не был бы настроен столь оптимистично, — хмыкнул блондин. — Говорят, в наинах у де Горта первые красавицы Харраса. Филиппа хороша, бесспорно, но она всю жизнь провела в обители Созидательницы и ничего не смыслит в придворной жизни. Бедняжку сожрут с потрохами и не подавятся.

— Не пугай девочку, — осадил сына барон, налегая на окорока. — Никто ее там жрать не собирается.

Нет, только кожу, если что, сдерут и пустят на барбекю.

— А что вы еще о них знаете? — отправила я в рот кусочек мясного пирога и уставилась на «родственничка» выжидающим взглядом.

Карел откинулся на спинку стула, криво усмехнулся:

— О Марлен ле Фэй и Одель Ротьер почти ничего. Но вот их фамилии говорят сами за себя. Винсенсия Тиссон — старшая дочь одного из советников Каменного короля. Тоже шишка на ровном месте, как ты сама понимаешь. Но я бы на твоём месте, дорогая Филиппа, больше всего опасался Паулины де Морсан. Говорят, у нее с де Гортгом уже давно отношения, и женится он именно на ней. Асави вполне может стать дочь советника или одна из богатеньких девочек. Ну а ты, Ли, ни с чем вернешься домой. Ко мне, — плотоядно оскалился метящий в графья «кузен».

Из всего им сказанного я вычленила для себя главное: у моего металлического жениха уже есть не то любовница, не то фаворитка, а значит, я ему не нужна. Или, скорее, нужна для галочки.

Отлично. Просто отлично!

Зачем герцогу понадобилось аж пять наин (подозреваю, что так здесь называют невест Стальных) — непонятно. Но и это я тоже обязательно узнаю.

За ужином мне удалось еще кое-что выяснить. Оказывается, местный правитель, в прошлом Стальной лорд, а ныне — Каменный король, готов отойти от государственных дел и передать трон в надежные руки одного из суперколдунов. Вот за него-то, за трон, и будут в ближайшее время сражаться члены сектобратства. К борьбе за власть имели отношение и наины, вот только я пока не сумела разобраться, какое именно.

Каждый лорд перед началом так называемых состязаний обязан был обзавестись свитой из пяти девушек благородных кровей. В противном случае он выбывал из гонки за Каменный трон.

Теперь понятно, что имел в виду де Горт, когда говорил, что у него не осталось времени на более тщательные поиски. У него было пять наин, но с одной случилась неувязочка: девушка с лошади упала, и пришлось срочно искать ей

замену. Почему выбор герцога пал именно на сиротку Филиппу — еще один вопрос, занозой засевший у меня в голове. С ним тоже придется разобраться.

Но главное — понять, как выбраться из этой задницы и снова стать Елизаветой Власовой.

После ужина Карел порывался проводить меня наверх, но я отказалась, сославшись на то, что снова чувствую себя уставшей и мне пора баиньки. Блондин нехотя отпустил свой потенциальный улов, и я, распаковавшись с помощью Орисы, переделалась в ночнушку и вернулась к изучению книги.

Сама не заметила, как уснула. Проснулась посреди ночи. Вынырнула из тревожного сна и поняла, что задыхаюсь. Было такое чувство, будто мне на грудь положили тяжеленный камень. Жарко... Как же тут жарко.

Хотела уже сбросить одеяло (кстати, когда под него забиралась, в комнате было прохладно) и тут вдруг осознала, что именно явилось причиной этого внезапного дискомфорта. В кровать меня вжимало чье-то мужское тело. Грубые пальцы сдавили грудь так, что я едва не зашипела от боли. Резкий запах кожи и табака ударил мне в нос, и к горлу подступила тошнота.

Пальцы скользнули вверх, удавкой стянулись вокруг горла, и спальню наполнил невнятный шепот:

— Ли... моя сладкая девочка... Как же я скучал по тебе, моя конфетка.

«Конфетка? Какого хрена?!» — подумала я первым делом.

Решила было, что это жених, пораньше управившись с делами в Шархе, явился забрать свое приобретение, а заодно проверить его, так сказать, в действии.

Но следующие слова любителя сладенького заставили меня засомневаться.

— А ты скучала по своему ненасытному жеребчику?
Ненасытный жеребчик и конфетка?

Прелестно. Просто прелестно.

Это явно был не Мэдок и уж точно не Карел. Вальяжно разлегшийся на мне мужик никак не тянул на субтильного блондина, да и голос был мне незнаком. Низкий, прокурренно-хриплый, такой, от которого хочется забраться под одеяло и больше никогда из-под него не вылезать.

В общем, неприятный.

— У-у, — проблеяла я, пытаюсь спихнуть с себя эту машину.

— Это нет или да? — Незнакомец приподнялся на локтях.

Свеча в изголовье кровати уже давно догорела, камин тоже погас, а плотно задернутые шторы не давали проникнуть в спальню скупому ночному свету. Я не видела лица наглеца и отчаянно уповала, что он точно так же не видит моего. Он явно знаком с Филиппой. Не с трехлетней малышкой, которую запомнили Вейтеры, а со взрослой девицей, что-то явно мутившей с этим типом.

Стоит мне раскрыть рот, и он поймет, что я — это не она. И снова перед глазами замаячили рукописные строки старинной книги. Те самые, про очистительный огонь и другие жестокие пытки.

— Слезь с меня, я задыхаюсь, — проговорила шепотом, еле слышным, по сравнению с которым удары сердца в груди звучали оглушительной барабанной дробью.

Жадно куснув меня за подбородок и лизнув шею (какая же мерзость!), незнакомец нехотя перекатился на спину, после чего поднялся на ноги. Я тут же натянула одеяло до самого носа, если не выше, замерла, чувствуя себя одним сплошным комком оголенных нервов.

Спокойно, Лиза, дыши ровно.

— Извини, малышка, я немного увлекся, но ты сама виновата. Рядом с тобой я теряю голову, ты сводишь меня с ума, тигренок.

Он снова попытался притянуть меня к себе, дернув за одеяло, но я еще сильнее вжалась в подушки и на всякий случай стукнула его по коленке голой пяткой.

Мужик приглушенно охнул, а потом проговорил беззлобно:

— Я же говорю, тигренок. Почти тигрица. Жаль, у меня все равно не получится задержаться и насладиться твоей компанией, малышка. С завтрашнего дня ею будет наслаждаться этот ублюдок де Горт, — сплюнул он себе под ноги и, кажется, скривился. По крайней мере, голос незнакомца звучал так, словно он только что прожевал стручок жгучего перца и запил его абсентом.

И снова я заволновалась (это уже входит в привычку). Наслаждаться моим обществом? Это в каком таком смысле? Будем вместе читать перед сном книжки? Ходить по театрам и вечеринкам?

Пусть он только попробует возжелать иного наслаждения в моем обществе, получит от меня не только по коленке, но и по кое-какому другому месту.

— Надеюсь, все в силе, Ли? — неожиданно спросил загадочный тип.

Я вздрогнула и чуть слышно согласилась:

— Угу, — лишь бы поскорее убрался отсюда.

— Хорошая девочка, — довольно похвалил он. — Сейчас я тебе ничего давать не стану, чтобы не рисковать зря. Первое время в доме де Горты к тебе будут присматриваться, в этом можешь не сомневаться. И да, в ближайшие недели меня не будет в Харрасе, но когда вернусь... А может, с тобой кто-то из моих свяжется. В общем, тебе все передадут, за это не беспокойся, и ты, как мы и договаривались, поможешь нам раз и навсегда попрощаться с де Гортом. Ты ведь сделаешь это, Ли? Ради меня. Ради нашего с тобой будущего. Моя девочка, моя тигрица.

Ы?

Это он мне что только что предложил? Поучаствовать в заговоре? Убить Стального лорда? Лишить человека жизни?

А не пошли бы вы, мистер Инкогнито, на... Да, да, именно туда!

— Если получится, постарайся с ним сблизиться. Мне это неприятно, но так надо.

Разумеется, вслух я этого провокатора не послала. Лишь промычала невнятно, что постараюсь, и сидела, не шевелясь, пока темная фигура, еще более темная, чем расплывавшаяся по спальне тьма, блекла, растворяясь в ней, сливаясь с ней, пока окончательно не исчезла.

— В следующую нашу встречу я обязательно задержусь в твоей постели, конфетка, — услышала последнее, тающее в тишине обещание.

И я все-таки послала незнакомца по всем известному адресу.

ГЛАВА 3

Проснувшись я с самым твердым намерением (даже более твердым, чем все Стальные лорды, вместе взятые, с их Каменным королем в придачу) как можно скорее слинять из этого мира. Нужно все решать очень и очень быстро, ведь в любой момент здешние живодеры могут понять, что я не Филиппа. И что тогда? Не хочу, чтобы меня отправили на костер, как какую-нибудь салемскую ведьму. И в тюрьму тоже не хочу. В казематы их средневековые.

Только домой. Только хардкор.

Пусть даже этот прокуренный и уверял, что в ближайшие недели его в Харрасе не будет, но он ведь не единственный, кто знаком с настоящей «карамелькой». Тьфу ты, «конфеткой»! Что, если в Ладерру (так вроде называлась столица Харраса, где и должно было состояться столь зна-

менательное событие, как смена власти) нагрянет какая-нибудь сообительница Филиппы? Да и вообще, мало ли с кем она за свою жизнь пересекалась. Не пленницей же ее в том монастыре в самом деле держали.

В общем, надо как-то отсюда выбираться. Из наин, Филипп, Харраса и в целом из этого мира.

После растворения в воздухе «жеребчика» еще долго я сидела не шевелясь, пока, сморенная усталостью и стрессами, наконец не провалилась в некое подобие забытья. Утром проснулась с тяжелой головой, но все-таки заставила себя подняться. Или, скорее, меня заставила Анся, явившаяся напомнить, что к полудню я должна цвести и пахнуть, радовать глаз и вообще выглядеть так, чтобы у его всемогущества появилось желание вот прямо сегодня потащить меня в местный ЗАГС.

Никаких желаний я вызывать у его всемогущества не собиралась, но баронессе ничего не сказала. Сунув ноги в тапочки, побрела в ванную, располагавшуюся на этом же этаже. От услуг Орисы отказалась, выкупалась сама и сама же облачилась в доисторический аналог нижнего белья: белые чулочки, панталоны, сорочка с кружевными бретелями.

Чувствуя себя крайне глупо, постаралась приторочить ко всему этому безобразию корсет, но с ним справиться не получилось. Пришлось звать служанку и просить ее не затягивать слишком туго, чтобы я случайно не задохнулась.

— Тонкая талия — явное достоинство каждой леди, на которое обращают внимание все мужчины без исключения, — назидательно проговорила Ориса.

— Пофиг, — ответила я и посильнее надула живот.

После этапа одевания и этапа причесывания наступил этап завтрака. Единственное приятное мероприятие за все утро. Ну и еще горячая ванна, в которой я хоть немного смогла расслабиться.